

Р. Р. Хисамутдинова

**ДЕТИ, ПЕРЕЖИВШИЕ ФАШИСТСКУЮ ОККУПАЦИЮ:
ИХ ЖИЗНЬ И СУДЬБА**

(Юрий Гагарин, Виктор Порохня, Василий Лановой)

Судьба детей, переживших фашистскую оккупацию, сложилась по-разному после окончания Великой Отечественной войны, многие из них достигли таких высот в своей жизни, о которых мечтает в детские и юношеские годы основное большинство подростков: кто-то стал космонавтом как Юрий Алексеевич Гагарин, первый земной человек, побывавший в космосе; кто-то стал Народным артистом Советского Союза, как Василий Степанович Лановой; кто-то известным футболистом, заслуженным тренером, доктором исторических наук, профессором, как Виктор Сидорович Порохня.

Они все родились в 1934 году: 16 января Василий Лановой в г. Москве, в семье выходцев из села (семья переехала тремя годами ранее из Украины), 9 марта в с. Клушино Гжатского (ныне Гагаринского) района Смоленской области Юрий Гагарин в крестьянской семье, 13 июня Виктор Порохня в крестьянской семье, которая из-за тяжелого продовольственного положения в начале 1930-х годов переехала из Полтавщины в поисках лучшей доли в Донбасс, на станцию Ломоватка Луганской области [1, с. 29].

Пройдя в детстве через лихолетья войны и восстановление разоренной страны, они не понаслышке знали, что такое лишения и тяжелый труд, однако это лишь закалило их и сформировало бойцовский характер, превратило трудолюбие в привычку.

В судьбе всех этих людей одинаковое детство: жизнь под оккупацией. «У меня детства как такового не было. Его поглотила война. На её полях сражений остались два моих деда, отец, три его родных брата. Шесть человек потеряли семьи Порохней-Хоменко. Во время почти двухлетней оккупации моей малой Родины Донбасса мы с мамой и братиком Женей в полной мере ощутили, что такое голод, унижения и оскорбления со стороны немцев, румын и полицаев. И когда в начале сентября 1943 г. Красная Армия нас освободила, мы на наших воинов смотрели с величайшим благоговением», – вспоминал В. С. Порохня [2, с. 7].

По воспоминаниям Народного артиста СССР Василия Ланового, он вместе с двумя братьями на лето из Москвы был отправлен к дедушке с бабушкой на Украину, в село Стрымба, и там попал в оккупацию. 22 июня, когда дед встречал их на вокзале, над Одессой летели немецкие самолеты. Почти 3 года он жил под оккупацией. Его родители не знали судьбы своих детей. «Я хорошо помню, как немцы наступали – они катились лавиной, заполняя все пространство до горизонта. Помню, впрочем, и как они отступали потом в 1944-м – кто на машинах, кто бегом. Апрель, грязь, машины завязли, так немцы их не бросили – подожгли... Я отлично помню ту апрельскую ночь – пылающие космогонические пожары на фоне черного украинского неба...» [3].

Виктор Сидорович пишет: «1 сентября 1941 г. Юра, я и наши одноклассники пошли в первый класс». Но недолго длилось их обучение. Наступила тягостная оккупация, которая в Гжатске, где жила семья Гагарина, длилась около 17 месяцев (с 8 октября 1941 по 6 марта 1943 г.), в Ломоватке, родине Порохня, на 3 месяца меньше: с 12 июля 1942 г. по 3 сентября 1943 г.

«В Юриной школе немцы закрыли школу, занятия прервались на целых два года. В Люберецкое ремесленное училище № 10 в 1949 г., где он изучал литейное дело, он пришел с шестью классами, поэтому для дальнейшей учебы в техникуме Гагарин поступил в седьмой класс вечерней школы и в 1951 г. с отличием окончил сразу два учебных заведения». Порохня пишет, что окончил первый класс без потрясений. Когда началось обучение во втором, учительница Раиса Дмитриевна Полякова из наших книг изъясняла страницы с изображением В. И. Ленина, И. В. Сталина и других руководителей страны и, кстати, сохранила до освобождения Ломоватки, и это в немалой степени помогло тому, что немцы школу не закрыли. Однако последующие активные боевые действия (Ломоватка из захолустной глубинки, в которой не было ни радио, ни газеты, в одночасье превратилась в передовую) мешали занятиям. Мы потеряли один учебный год. Виктор Порохня пишет: «Не до школы было. Выжить бы» [1, с. 27]. А выживать приходилось все труднее. Семью Гагарина оккупанты выгнали из дома, пришлось соорудить землянку. Благо имелась мужская опора: Алексея Ивановича по состоянию здоровья в армию не призвали. Порохню жилища никто не лишал, оккупанты, охранявшие стратегическую железнодорожную колею Донбасс-Москва, разместились в привокзальных казармах, но из-за того, что их дом стоял недалеко от колеи, набеги немцев, румын и итальянцев были постоянными, увели и корову [Там же, с. 27].

Отсутствие работы на оккупированной территории усугублялось также и тем, что сохранившиеся у людей советские деньги не имели хождения. Спасали подсобное хозяйство, собирание колосков с опаской получить нагайкой от объездчика и натуральный обмен. Как пишет Виктор Сидорович, «мама, как и другие женщины Ломоватки, как и Анна Тимофеевна Гагарина, носила в села, обойденные и не разграбленные немцами, отрезки ткани, одежду, столовые и другие изделия и за них получали хлеб, муку, масло, соль, сахар, спички и т.д. Правда, обмен не всегда был адекватным стоимости промышленных товаров, так как женщинам не раз встречались в селах недобрые люди, коих именовали куркулями и спекулянтами».

Видя, как трудно все это доставалась мамам, мальчишки начали самостоятельно, без подсказки старших, проявлять своеобразную активность: с тяжело груженных железнодорожных составов, идущих в сторону Германии с малой скоростью, стали исчезать мешки и ящики с продовольственной продукцией, а также уголь и дрова.

Как он вспоминал, один раз такой передел собственности для него и братьев Виктора и Павлика Гребинюченковых мог закончиться трагически. Но направленный на нас молодым немцем автомат был отведен в сторону

находящегося рядом с ним охранника постарше. Подобное имело место и в семье Гагариных. Немец, живший в их клушинском доме, как-то ради забавы взял да и повесил на яблоне младшего брата Юры Бориса. Если бы вовремя не подросла Анна Тимофеевна – беда не прошла бы мимо... [1, с. 29].

Василий Лановой, отвечая на вопрос о заикании, в своем интервью в 2013 г. рассказал один случай из оккупационной жизни: «Один немец, который был на постое в нашей деревне, подарил мне ремень с бляхой. А спустя какое-то время другой немец захотел этот ремень у меня отобрать. Я не отдавал, пытался объяснить, что это подарок. И тогда он выпустил из автомата очередь у меня над головой. Кажется, в шутку, потому что смеялся при этом. Мне было семь лет. И с тех пор я стал заикаться». Когда мама забрала их в Москву, повела его к врачу, который посоветовал сыну петь мелодичные украинские песни. Его мама пела вместе с ним и вылечила его от заикания. Угроза физической расправы над населением ушла вместе с изгнанием фашистских захватчиков.

Василий Лановой рассказывал о том, что «немцы отдали нашу местность румынам, а сами ушли. Тут мне подошло время идти в школу, а местную школу перевели на румынский язык. Так я и учился первые три года – по-румынски. В результате по-русски писать почти не умел». Когда мама забрала их домой, он пошел в московскую школу, в проверочном диктанте сделал три ошибки в слове *хлеб*, и его снова отправили к первоклассникам. «Мне пришлось потом несколько раз “перепрыгивать” из класса в класс, чтобы догнать свое поколение. Но я окончил школу с золотой медалью...» [3].

Детям, пережившим оккупацию, пришлось много над собой работать и приложить максимум усилий, чтобы догнать свое поколение по учебе.

Воспоминания детей, переживших войну на оккупированной территории, сохранили в их памяти роль советского учителя. Когда еще в студенческие годы Василий Лановой сыграл в кино первую главную роль в фильме «Павел Корчагин», он вспоминал, как он ещё школьником познакомился с персонажем своей будущей первой великой роли в кино, Павкой Корчагиным из произведения Николая Островского «Как закалялась сталь» во время фашистской оккупации. Тогда он не знал, что станет актёром. Но Павка Корчагин появился в его жизни благодаря преподавателю Николаю Ивановичу, который во время войны, невзирая на запреты румынских солдат, союзников фашистов, следивших за порядком в Васиной школе, прочитал мальчуганам эту удивительную книгу о подвиге молодого советского человека. Сколько гражданского мужества имел советский учитель, который прекрасно понимал, чем может закончиться это чтение, если румыны узнают об этом!

Семья Виктора Порохни потеряла его младшего брата, не нашлось лекарей, чтобы вылечить мальчика от простуды. После освобождения Ломоватки заработали шахты. Его мама, как и другие женщины, пошла на погрузку угля в железнодорожные вагоны, где главными инструментами были лопата и носилки [1, с. 31].

Рос Виктор Сидорович шаловливым мальчиком. Он привел интересный факт своей жизни, когда побаловался итальянской лимонкой. Граната разорвалась не там, куда он ее бросал. В результате оказалась раненной чужая корова, и его маме пришлось восполнять убыток. Однажды мама вместе с соседкой отправила его на базар в Кадиевку (ныне Стаханов), что примерно в 20 км от Ломоватки, чтобы он купил поросенка, дала 120 руб. Когда же первый раз в жизни побывал в магазине культтоваров, о поросенке забыл, вместе него купил мандолину и принес 11 руб. сдачи. Нагоняй был, но вместе с тем вскоре к мандолине мама, как он вспоминает, прибавила гитару и балалайку, на которых Виктор самостоятельно научился играть [Там же, с. 31–32].

Как пишет В. С. Порохня, «появилось осознанное стремление помочь маме». 12 февраля 1947 г. он вместо школы пошел работать на Сабовскую шахту № 47. Двенадцатилетнего мальчишку приняли с трудом без оформления трудовой книжки. Поставили на выборку породы, которой были заняты в основном молодые пленные немцы. После расконвоирования один из них, Ганс Юрген Штайн, организовал взрослую, юношескую и детскую футбольные команды. Как пишет Порохня: «Ганс Штайн стал для меня первым тренером по футболу, которому я как игрок, наставник команд мастеров, а затем и член Президиума Федерации футбола СССР (СНГ) посвятил многие десятилетия» [Там же, с. 34]. В ноябре 1990 г. во время полумесячной деловой поездки по ФРГ Виктора опекал некий Ганс Штайн, который оказался его первым тренером. Об их встрече один из телеканалов Германии сделал несколько передач. Порохня пишет, что у Ганса Штайна события этого времени отложились лучше, чем у него. Ему было неизвестно, что оказывается группа «стариков», в том числе и Ганс, ходили к начальнику шахты генералу Резнику с просьбой переговорить с директором школы о том, чтобы Виктору разрешили экзамены за пятый класс сдавать экстерном. Так было и позже, когда работал на шахте, а затем в литейном цехе Дебальцевского завода горношахтного оборудования, экзамены за шестой и седьмой классы сдавались подобным образом. В 1948 г. был принят в комсомол, в этом же году поехал поступать в Москву в Суворовское военное училище, оказался переростком. В 1949 г. попытался поступить в Ворошиловградскую спецшколу ВВС, но не прошел медкомиссию. В октябре того же 1949 г. был объявлен набор в группу литейщиков Дебальцевского ремесленного училища № 39 Сталинской области, куда он прошел по конкурсу.

Виктор Сидорович пишет, что анализируя все написанное и переосмысленное за прожитые годы, приходит к следующему выводу: для Гагарина, его и Стешина (он и его семья пережили всю Сталинградскую битву, находясь в городе), дороги военного детства были в чем-то сходными, в чем-то различными. Но каждый из них ужасы войны запомнил на всю жизнь [1, с. 35].

Как отмечает Виктор Порохня, в ремесленных училищах в конце 1940-х годов занятия чередовались: один день отводился для изучения теоретических дисциплин, другой – для практики. На практике Юра был связан с чер-

ной металлургией, он – с цветной. Гагарин проходил ее на Люберецком заводе сельхозмашин им. Ухтомского, он – на Дебальцевском машзаводе. На этих заводах они ковали рабочий характер, готовились к участию в завтрашнем созидании [1, с. 9].

В 1951 г. Виктор поступил в Саратовский индустриальный техникум трудовых резервов, в котором было литейное отделение, где судьба свела его с первым космонавтом планеты, началась их дружба, которая продолжалась до смерти Юрия Алексеевича, а потом была поддержка семьи друга. Он с благодарностью пишет в своей книге, какую роль сыграли в их становлении преподаватели данного техникума, которые привили им навыки мастерства в своей профессии, научили отличать добро от зла, вложили в них потребность становиться лучше [Там же, с. 53]. С момента поступления в техникум и до его окончания все 15 студентов жили в одной комнате общежития. У них сложилась хорошая группа, несмотря на разный возраст. Гагарин, Порохня и Стешин оказались самыми молодыми – каждому по семнадцать лет. С ними учились те, кто прошел войну, некоторые были женаты, имели детей. Жили в одной комнате, в которой не обходилось без шалостей. Те, кто поздно возвращались домой, никогда не включали свет и тут же могли в постели ощутить под собой металлические «блины» от штанги. Любители поспать могли быть разрисованы тушью, зашиты в постель, вынесены с кроватью в коридор, а то и покрутить «велосипед», когда горящая бумага, вставленная меж пальцев, давала о себе знать. Но наряду с такими эпизодами они вместе готовились к занятиям, вместе ходили в кино, парки, музеи, театры, на стадионы [4, с. 123, 126, 132].

«В ходе разговора о будущем Юра не раз возвращался к авиации. Ему нравилась летняя форма, но еще больше привлекали скорость и высота полета. Узнав о моей неудачной попытке поступить в Ворошиловградскую спецшколу ВВС, он убежденно сказал, что наше время еще впереди. И действительно, в конце 1952 года мы с ним стали слушателями отделения пилотов Актарского учебного центра ДОСААФ» [1, с. 55].

Виктор Порохня приводит для подтверждения своих мыслей отрывки из книги Ю. Гагарина «Дорога в космос» [Там же, с. 57]. Говоря о литературном кружке, членами которого были все три друга, Виктор писал о том, что занятия в этом кружке оставили заметный след. Они обогатили их, научили более правильно выражать свои мысли, дали возможность познать прошлое во имя будущего [Там же, с. 61]. Как отмечает ученый, большое место в их жизни занимал спорт... Каждый увлекался любимым видом. Юрий Гагарин все свободное время отдавал естественно, баскетболу. Несмотря на свой невысокий рост, он был отличным игроком. Кроме того, он занимался лыжами, легкой атлетикой, гимнастикой, волейболом, плаванием... Женя Стешин был первым помощником Юрия по баскетболу. Футбол оставался за Виктором. Спорт еще больше сблизил его с Гагариным [1, с. 62, 63].

«Продолжались будни, в ходе которых естественный процесс человеческих размежеваний, одинаковый возраст, много общих интересов стали немаловажной причиной того, что обычное общение между Юрой, Женей и мной постепенно переросло в дружбу» [Там же, с. 64]. Он отмечает, что, наверное, наибольшее сближение произошло в дни смерти И. В. Сталина. «С его именем в наших молодых умах увязывались величайшие достижения советского народа в мирные дни и в годы Великой Отечественной войны. Как раз в это время мы изучали материалы XIX съезда КПСС и очень краткую речь, произнесенную на нем Сталиным. В ней он остро затронул проблеме мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем, чему мы, пережившие войну, в надежде на безоблачное завтра несказанно обрадовались. Поэтому его смерть, казалось, вырвала у каждого из нас кусочек сердца. Когда с первым утренним боем Кремлевских курантов ворвалось в нашу комнату общежития известие о том, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался И. В. Сталин, Евгений Стешин зарыдал так, что все мгновенно оказались на ногах». Узнав день похорон, они хотели втроем выехать в Москву, но группа их отговорила. «Но сам факт порыва еще больше скрепил нашу дружбу». Три друга стали мечтать о будущем, об авиации, часто ездили на спортивные соревнования, которые еще больше их будоражили. Этим возбудителем был находящийся недалеко от спортивного комплекса «Нефтяник» аэродром с тяжелыми вертолетами и шустрыми МИГами [Там же, с. 65].

Они хотели поступить в Краснокутское училище гражданского воздушного флота, но из-за отсутствия среднего образования их не приняли. Виктор Порохня пишет: это может быть и хорошо, что судьба отвела Гагарина от училища гражданского воздушного флота, потому что в отряд космонавтов брали только военных летчиков. И чтобы им стать, надо было дальше учиться» [Там же, с. 70]. Они охотно участвовали в художественной самодеятельности техникума и областного Дома культуры трудовых резервов. Несколько ребят в группе, в том числе Юрий, занимались фотографией [Там же, с. 76, 77].

Очень интересны зарисовки их послевоенной повседневной жизни. Виктор Порохня пишет, что они получали стипендию, которая была достаточна, но со временем запросы росли. Иногда мы отправлялись на пристань разгружать цемент с барж. Работали ночью, а утром шли на занятия. Платили там неплохо. На заработанные деньги мы покупали вещи первой необходимости. И когда кому-либо из нас надо было «выйти в люди», группа одевала молодца так, что все любовались его видом. Кое-кому помогали родители. Но большинство ребят могли надеяться только на себя, т. к. их отцы, а то и вся семья или погибли в годы войны, или умерли, или пропали без вести, или просто жили бедно [Там же, с. 80]. Летом подрабатывали физруками в пионерских лагерях.

По мнению Виктора Сидоровича, просто надо понять поколение Гагарина. На их детских глазах прошла война. Тяжелая, изнурительная, голодная, лишившая многих из них отцов, матерей, близких и родных людей. Суровый отпечаток наложила на них и оккупация. Поэтому они смотрели на каждого

солдата и офицера, как на самого дорого человека, избавителя от всех бед. А перед формой воина Советской Армии они просто преклонялись. Помнится, когда дело доходило до фотоателье, первой просьбой было надеть китель авиатора или морскую робу и сфотографироваться в них. Ничего удивительного нет в том, что юношество тянулось к армейской службе, особенно авиационной [1, с. 81].

В октябре 1954 г. три друга стали курсантами отделения пилотов Саратовского аэроклуба ДОСААФ. Нагрузка была большая: учеба, спортивные тренировки, вечерние занятия в аэроклубе. «Да и дорога в небо оказалась куда длиннее, чем мы себе представляли» [Там же, с. 84]. После сдачи экзаменов за первый семестр последнего, четвертого курса их группу в феврале 1955 г. отправили в Ленинград на полуторамесячную преддипломную педагогическую практику [Там же, с.85]. Поездка в Ленинград надолго оторвала их от занятий в аэроклубе, и некоторые ребята его оставили. Как пишет В. С. Порохня: «Юрий из аэроклуба не ушел. И прежде мы его называли двухжилым, целеустремленность победила в нем опять» [Там же, с. 95].

Получив 29 июня дипломы, ребята уехали на месячный отпуск домой, после которого каждого ждала работа по месту назначения. Гагарин же остался в Саратове для завершения учебы в аэроклубе. Группы Л-41 не стало. Но о ней помнят. Она вошла в историю потому, что в ней учился, закалялся, сделал первые шаги в авиацию первый космонавт мира [Там же, с. 97]. В разгар подготовки диплома к защите Порохню вызвал райвоенком и в категоричной форме потребовал срочно подготовить документ для поступления в Киевское военно-инженерное радиотехническое училище ПВО-КВИРТУ. Никакие оговорки, аргументы и ходатайства не помогли. Его лишили возможности принять участие в последнем общетехникумовском мероприятии 29 июня, посвященном вручению дипломов, т. к. «в этот день он должен был предстать пред очами начальника КВИРТУ». 27 июня ребята проводили его на вокзал. Документы были сданы, но он пошел на игру футболистов киевского «Динамо», где встретился со старшим тренером О. А. Ошенковым, который смог убедить директора училища вернуть документы Порохне. Он отслужил в воздушно-десантных войсках ЛенВО. Виктор – участник VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который проходил с 28 июля по 14 августа 1957 г. в Москве. «Фестиваль свел меня со многими людьми из разных стран. С некоторыми из них связи не прерываются до сих пор. Подарком судьбы стала встреча с танцором Махмудом Эсамбаевым. Более чем сорокалетняя дружба с ним постоянно обогащала мою семью зарядом мудрости, бодрости, политической прозорливости и веры в светлое будущее человечества, коими был богат блестящий исполнитель танцев народов мира народный артист СССР, Герой Социалистического Труда [1, с. 105]. Он пишет, что «все перипетии фестиваля мною были описаны Юре. И кто тогда знал, что в 1962 г. Гагарин станет почетным гостем VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Хельсинки» [1, с. 105–106].

Как вспоминает В. С. Порохня, первые его выходы на футбольном поле были замечены и отмечены армейским руководством. Во многом благодаря им ему была предоставлена возможность участвовать в гражданских и армейских соревнованиях разного уровня и заочно учиться в Ленинградском техникуме физкультуры трудовых резервов.

Снова замелькали города. Летом 1956 г. одним из них стал г. Чкалов (Оренбург). Из письма Юры Виктор уже знал, что тот в сентябре 1955 г. успешно завершил учебу в аэроклубе и был направлен в первое Чкаловское военно-авиационное училище летчиков (ЧВАУЛ) [1, с. 106].

«Я быстро нашел Юру. Его начальство отпустило, и мы вместе провели 5–6 часов. Ладно сидел на нем техникумовский мундир, но армейская форма делала его еще подтянутее, стройнее. Он оставался таким же веселым, жизнерадостным, великим оптимистом, но и более задумчивым, строгим, повзрослевшим, кому оказались не чужды сомнения и раздумья. Многие поведали мы друг другу. “А помнишь...” не сходило у нас с уст», – так описывает В. С. Порохня свою встречу с другом в Оренбурге [Там же, с. 107].

26 октября 1957 г. решением Государственной квалификационной комиссии Ю. А. Гагарину была присвоена квалификация пилота-техника. Ему было представлено право остаться в Оренбурге, но он выбрал суровый Север. За 2 года службы на Севере Юрий зарекомендовал себя как опытный летчик, способный осваивать самую новейшую технику. И когда ему предложили заняться этой работой, он немедленно согласился. А пройдя тяжелейшее сито отбора, сорокадневную медицинскую комиссию, в которых первоначально принимало участие 250 человек, Гагарин 9 марта 1960 г. уехал из своей войсковой части в Москву и через пять дней в группе молодых летчиков-истребителей начал подготовку к первому полету человека в космос [1, с. 134].

В части книги «Семь лет как одно мгновение» он считает, что для Юры это мгновение началось в конце отборочного периода – 17–18 января 1961 г. В эти дни весьма авторитетная комиссия впервые приняла выпускные экзамены у шести слушателей-космонавтов. С учетом данных личных дел, медицинских показаний, практических навыков и оценки знаний комиссия определила следующую очередность полета слушателей курсов в космос, где Гагарин стоял первым» [Там же, с. 168]. Виктор Порохня приводит полностью доклад Юрия Гагарина о первом рабочем дне Государственной комиссии [1, с. 170–181] и пишет о том, что не все доложил Юрий Алексеевич, например, то, как на заключительной стадии полета его корабль, сходивший после витка с орбиты, после выключения тормозной двигательной установки основательно закувыркало, и это беспорядочное вращение, судя по бортовым часам в кабине «Востока», длилось примерно 10 минут. По этому случаю на землю он передал одну-единственную фразу, сигнализирующую о нештатной ситуации, но понятно, скорее всего, технарям, а не руководителям полета. Сразу после полета в Куйбышев, Юра сообщил Сергею Королеву о ЧП на борту и заявил о своем намерении отразить этот неприятный момент в своем

будущем отчете. В ответ Сергей Павлович сказал ему следующее: «Это правильное решение! На твоём месте я бы поступил точно так же. И как космонавт, и как коммунист, и как честный человек». «Но, добавил Королев, пристально глядя ему в глаза, – с исключением в одном единственном случае, который имеет место именно сейчас, после завершения первого в мире космического полета: если о ЧП объявить именно сейчас, предать его гласности, – это с неизбежностью нанесет непоправимый ущерб великому делу освоения космоса, делу, в которое руководство страны поверило далеко не сразу, а лишь после многих титанических усилий миллионов. Подорвет с таким трудом завоеванное доверие правительства в нашу космическую технику и в нашу с тобой, Юра, способность решать столь ответственные задачи». По словам Гагарина, это был самый драматический момент в том памятном и откровенном разговоре преданного делу ученика со своим верным учителем и наставником. «Что я должен делать?» – спросил я у Королева тогда. И тот мне ответил: «Поступай, Юра, как знаешь! Я же обещаю тебе только одно: даю слово коммуниста, что любой ценой, обязательно выясню причину этого сбоя и о принятых нами мерах сообщу тебе лично немедленно!» Ни на секунду не сомневаясь в том, что Сергей Павлович сдержит свое слово, Гагарин упустил это место в своем отчете и официальном докладе о выполнении полетного задания... [1, с. 182].

Порохня пишет, что после полета в космос Юрий Гагарин стал чрезвычайно популярен. «Повторюсь: всех его товарищей, как и учителей, волновал вопрос, не возгордится ли? Время показало, что эти волнения были напрасны. Юрий оставался все таким же простым и душевным, каким был в студенческие годы. Он находил нужным встречаться с товарищами, поздравлять их с днем рождения, с теми или иными успехами, что-то посоветовать, подсказать, рассказать об увиденном и услышанном. Он был доступен каждому и востребован каждым, кто с ним общался или желал общаться». После переезда из Казахстана в Днепропетровск Виктору довольно часто приходилось бывать в Москве. И каждый раз, если Юра был дома, он встречался с ним. Эти встречи еще и еще раз давали возможность убедиться в простоте и величии Гагарина [Там же, с. 225]. «Юра – это человек огромного, бурлящего энтузиазма, энтузиазма искрящегося и передающего другим... [5, с. 211].

Виктор Сидорович пишет, что в феврале 1968 г. он приехал на несколько дней в Москву. Юрий Алексеевич в те дни готовился к защите дипломного проекта в Академии имени Жуковского. Невзирая на его занятость, они около четырех часов провели вместе. Потом он отвез Виктора Порохню на Курский вокзал, к днепропетровскому поезду. «Это была наша последняя встреча» [5, с. 228]. Рассказывая о похоронах Ю. А. Гагарина, на которые он смог с большими трудностями прилететь из Феодосии, где проходили соревнования по футболу, он пишет: «Любила Родина Гагарина, любила материнской любовью. Скорбь и слезы залили Москву, всю страну, весь мир. Бесчисленный поток писем и телеграмм соболезнования продолжал идти со всех уголков мира» [1, с. 229]. «С тех пор, кто не приходит на Красную площадь

столицы, отдает свой поклон человеку, который за свою короткую жизнь вознес свое Отечество на гребень научно-технической революции и сам шагнул в бессмертие» [1, с. 230].

Вторая серьезная книга В. С. Порохни о своем друге «Шесть земных и космических десятилетий: Размышления о Гагарине, его и нашем времени» вышла в 2011 г. [5], посвященная 50-летию полета Ю. А. Гагарина в космос. В книге истоком этого полета назван Саратов, в котором, как он пишет, Юра впервые стал на крыло и сюда же вернулся из космоса. Получилось так, что дорога в космос и обратно пролегла через Волгу [5, с. 254]. В основу книги положены его воспоминания, размышления, суждения, исторические факты, зарисовки, сравнения и параллели о прожитом, различные документы, речи, высказывания и публикации по рассматриваемой проблеме, совместные фотографии с Юрием Алексеевичем Гагариным, когда учились в Саратове и жили в одной комнате, и более поздние фотографии. Он пишет о том, что истекшие шестьдесят лет после Саратова и пятьдесят – после полета Гагарина в космос показали, что жизнь Юрия Алексеевича и его поколения давала и дает богатейший материал для сохранения в памяти народа героики наших свершений и воспитания у молодежи душевной красоты, благородства, чувства потребности служить светлым идеалам человечества, патриотических, духовных и нравственных устоев, которые сегодня так необходимы России [Там же, с. 355].

В этой же книге в главе «Московский авиационный институт – главный источник моей гагарианы» [5, с. 309–354] он отмечает, что учеба в аспирантуре, докторантуре МАИ, защита кандидатской и докторской диссертаций, работа на кафедре истории института, а затем и заведование этой кафедрой были сопряжены и с успехами, и с трудностями, прежде всего, связанными с распадом СССР. «В то же время за более чем 42-летний период профессиональной работы на историческом поприще, я получил колоссальную возможность через структуры МАИ, всевозможные организации, связанные с космосом, исследовать гагаринскую тематику во всех её проявлениях. И через выступления и публикации (а их по гагариане набралось около шестидесяти) доводить её до самых различных аудиторий в СССР, Российской Федерации, в зарубежных государствах. И за то, что я оказался причастен к такой обширной гагариане, моя безмерная благодарность судьбе, приведшей меня в феврале 1969 года в авиационный институт» [Там же, с. 309].

В научном наследии В. С. Порохни прослеживается три направления: «гагариана», которой посвящены более одной трети его научных работ; цветная металлургия, по данной проблеме были защищены кандидатская и докторская диссертации, успешному решению этой проблемы способствовало его техническое и историческое образование; третье направление его научных изысканий – исследование проблем Великой Отечественной войны, по которым он организовал и провел несколько международных научных конференций, и сам принимал активное участие в конференциях по военной тематике, проходивших в других городах.

Долго и настойчиво о достойном преподавании истории России в технических вузах РФ говорил доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории Московского авиационного института (МАИ) Виктор Сидорович Порохня, он боролся за сохранение исторической дисциплины после развала Советского Союза не только в МАИ, а во всех технических вузах России. Виктор создал на базе МАИ Межвузовский центр по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации «За высокий уровень и качество исторического образования в вузах России», Общероссийскую общественную организацию «Объединение преподавателей истории в вузах России» и региональные отделения, добивался долгие годы, чтобы увеличили количество часов на историю России в технических вузах для ее достойного преподавания. Под руководством В. С. Порохни Межвузовский центр по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации при поддержке Министерства образования и науки РФ провел на базе Московского авиационного института (национального исследовательского университета) Первый Всероссийский съезд преподавателей истории в вузах России 16–17 ноября 2017 г. в Москве, где обсуждались проблемы состояния исторического образования в различных вузах и регионах страны, но в первую очередь в технических вузах.

В работе Съезда участвовали около 900 человек, 452 из них – делегаты Съезда, представляющие все регионы Российской Федерации. С основным докладом выступил В. С. Порохня, в котором был поднят широкий круг вопросов современного состояния и болевых точек исторического образования в вузах России. В конце своего выступления он заявил: «Мы историю отстаивали, наша задача – добиваться её стабильного преподавания во всех вузах России» [6, с. 140].

Делегаты съезда в своей резолюции предлагали Комитету Совета Федерации по науке, образованию и культуре, Комитету по образованию и науке Государственной Думы следующее: при проведении парламентских слушаний и иных мероприятий, связанных с состоянием и перспективой развития высшего образования в Российской Федерации, в перечень проблемных вопросов обязательно включать гуманитарную составляющую вузовского образования, особенно это касается исторического образования студентов. Министерству образования и науки Российской Федерации предлагалось ввести с 01 сентября 2018 г. преподавание во всех государственных и частных вузах страны базовой дисциплины «История России»; обязать Федеральную службу по надзору в сфере образования и науки взять под неослабный контроль состояние исторического образования студентов в негуманитарных вузах, а также негуманитарную подготовку в классических и педагогических вузах и ряд других предложений [6, с. 140].

Юрий Алексеевич Гагарин, Виктор Сидорович Порохня, Василий Степанович Лановой прожили достойную жизнь во всех отношениях. Юрий Гагарин прожил короткую, но яркую жизнь (9 марта 1934 г. – 27 марта 1968 г.), прославил свою страну на века, став первым космонавтом Земли. Его друг

28 января 2021 г.) создал такие образы в советском кино как Павка Корчагин, Иван Варавва в фильме «Офицеры» с налетом романтизма. Сыграл главные роли в фильмах «Алые паруса», «Иду на грозу», «Анна Каренина» и т. д. В 2015 г. стал соучредителем общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк». Человек кипучей энергии, который очень много сделал для патриотического воспитания российской молодежи.

Их уважали и любили, продолжают любить и восхищаться. Они золотыми буквами вписали свои имена в историю нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Порохня, В. С.* Гагарин и его время. Автобиографическая повесть о своем поколении. – Смоленск : Смолен. обл. книж. изд-во «Смядынь», 2000. – 312 с. + 12 пл. вкл.

2. *Порохня, В. С.* Ветераны – золотой фонд кафедры истории МАИ // Наше Отечество. Страницы истории: Сборник научных трудов. Выпуск четырнадцатый / под общ. ред. профессора В. С. Порохни. – М., 2018. – С. 5–32.

3. Интервью Василия Ланового. – 26 сентября 2013 года.

4. *Порохня, В. С.* Воспоминания о былых советско-российских временах. – М., 2024. – 428 с.

5. *Порохня, В. С.* Шесть земных и космических десятилетий: Размышления о Гагарине, его и нашем времени. – М. : МАИ, 2011. – 424 с.

6. *Голдин, В. И.* Первый съезд преподавателей истории вузов России // Вестн. Север. (Аркт.) фед. ун-та. Сер. Гуманит. и социал. науки. – 2018. – № 2. – С. 139–141.